

Дарья Валентиновна Князева родилась в городе Воронеже. Окончила Воронежский государственный университет. Кандидат физико-математических наук, актриса «Театра равных». Публиковалась в «Литературной газете», журнале «Юность», коллективных сборниках издательства «Перископ-Волга», альманахе «День поэзии ВГУ». Дипломант и финалист различных всероссийских и международных конкурсов. Участник региональных и всероссийских литературных фестивалей и совещаний молодых литераторов. Живет в Воронеже.

Дарья Князева

СМОТРИ МОИМИ ГЛАЗАМИ

Рассказ

Опора скользнула прочь. Больно ударившись о корявый ствол плечом, Тим рухнул на землю. Сдавленно выругавшись, поднялся, с досадой пытаюсь приладить кусок разодранной штанины, но тот предательски оттопыривался и никак не ложился на место.

Сверху донесся заливистый смех. Тим раздраженно вскинул голову — согнувшись пополам, Кира просто укатывалась над ним, трясая выбившимися из «хвоста» кудряшками.

— Растяпа ты, растяпа! Пх-пха... Говорила же: не клади доску на ветку, навернешься... Ну, или закрепил бы ее, что ли.

— Без тебя знаю! — зло бросил Тим. Ее снисходительный тон порядком бесил, два года разницы не повод важничать. А прямо не сказать — дурак дураком окажешься, как младшеклашка обидчивая. Отряхнувшись, полез обратно, упираясь в глубокие складки коры.

Кира протянула руку:

— Давай помогу, горе луковое!

Жгучий гнев на самодовольную девчонку заставил Тима рывком сдернуть ее вниз, перехватившись другой рукой у основания ветки. Но в следующий момент пожалел — ломает еще себе что-нибудь, не дай бог, тащи потом в медпункт.

Кира же, коротко вскрикнув, мгновенно остановила дугу полета, мягко спружинив о ствол, и теперь ехидно поглядывала снизу, точно ожидая дальнейших действий парня.

— Кончай глумиться, совсем не смешно! — рыкнул Тим. Приняв кивок в ответ, помог подруге вскарабкаться обратно. Следом уселся сам, крепко обхватив ветку ногами.

Отсюда открывался отличный обзор на пустырь. И на медуз. Голубоглазых, синеглазых, изумрудно-глазых и совсем уж старых, отцветающих — с черными бусинами зрачков по периметру зыбкого тельца. Приближаться к стаям боязно, потому дерево выбрали шагах в пятидесяти. Оптику достала Кира. Чудную, но годную: пара длинных трубок на перемычке, с настройкой дальности до трех километров (с ее слов, не проверяли). Где добыла — тайна, покрытая мраком. Заявила, что в дедовом сарае откопала, но Тим сомневался. Тот, конечно, механиком начинал, полно всякой всячины прятал: клещи, тиски, гидравлические ножницы, даже фрезерный станок (если название не спутал)... Но такая приبلуда — явно не его профиль.

С пол часа ребята не отрывались от бдений, сталкиваясь лбами в поисках позы поудобнее. Самое лучшее время: закатное солнце искрилось на маленьких скользких куполах, а глазки медуз будто электричеством налились. Порхают себе, гирлянды сине-зеленые, не думают ни о чем... А им и нечем. Их дело — зацвести, в воздух подняться, людям нервы потрепать, да и осесть обратно на траву вдоль дороги черно-белой массой.

Незаметно наполнили сумерки, медузы опустились к земле, зависнув на высоте с полметра, почти неразличимые даже вооруженным глазом. Кира отвязала от ветки вещмешок, спрятала оптический прибор, а наружу извлекла сверток с пирогом. Развернула, разломила пополам: густо пахло капустой. У Тима засосало под ложечкой, и он порывисто отвернулся. Кира, удивленная эти маневром, придвинулась и протянула кусок.

— Хватит меня подкармливать, думаешь, дома есть нечего? — нахмурился он.

— Глупость какая! Обедал еще до школы, ученическую пайку Дэну отнес... До ночи теперь голодать?

Тим хотел было возразить, но, махнув рукой, взял свою порцию пирога, буркнул «спасибо» и умял ее в момент.

— А мне плантограмма вчера пришла, — словно невзначай обронила Кира. — Через две недели уезжаю.

— Промежуточный Второй?

Девушка отрицательно покачала головой, преувеличенно внимательно разглядывая носки башмаков.

— Первый?!

— Внутренний... — тихо выдохнула она.

Тим уважительно присвистнул. Они жили в Третьем Промежуточном округе. За особые успехи на второй этап обучения обычно отправляли в следующий, более близкий к Узловому Центру. Реже перескакивали через уровень... но чтоб через два!..

— Родители гордятся, наверное? — Скрывая горечь за иронией, парень одобрительно ткнул подругу в бок.

Кира пожала плечами:

— Мама плачет. Отца не видела еще — выброс вторые сутки ликвидирует.

— А чего плакать-то? Радоваться надо! Так, глядишь, и до Центра

доберешься. А там хоть и биологические, но технологии. Говорят, вода горячая в жилые капсулы подается. Опять же, сами капсулы — не чета нашим баракам.

— Да ведь несколько лет не увидимся... А может, и вовсе никогда. Если б во Второй, и родителей могли бы, опережая график, со мной перевести — мол, новая программа, поддержка семейных связей, то да се... А через два уровня точно не станут, жирно слишком. Да и квалификация не дотягивает, работать они там не смогут. В общем, как ни глянь — без вариантов. А по графику им до Второго округа еще три года, а потом еще семь — до Первого. Про Внутренний вообще молчу.

— Сама-то что думаешь?

— Здорово это, конечно. Только страшно... Далеко, и совсем одна.

— Ну, там же тоже люди. Товарищей найдешь, другую жизнь узнаешь, другие возможности откроются. И потом, почему не увидитесь, будете приезжать с караваном...

Кира улыбнулась:

— Походу, за то тебя мой дед и любил. Он тоже все про технологии свои твердил, про возможности. Мол, такую цивилизацию профукали, живем, как в средние века... А нормально живем! Воздух чистый, еда есть, одежда есть — сама растет, между прочим, крыша над головой, опять же...

Тим вспомнил проклюнувшуюся утром платяную грядку: тугие синефиолетовые стебли, покрытые буроватой слизью, перли ровным частоколом. Передернул плечами: пока рубашки не вызревали окончательно, эти посадки не вызывали ничего, кроме опасливой брезгливости.

— А чем в Центре лучше? — продолжила Кира. — Выбор больше? Так там и света белого не увидишь! С караваном, говоришь? Первое время у меня график восемь через двенадцать будет, и это в обучающем режиме. А потом еще мельче дробление станет, нагрузка-то выше.

— Ну, откажись, если боишься! Желающие на твоё место мигом найдутся. Чего канючишь?

Парень рассердился: да что она, в самом деле?! Такая удача. У него-то с биологией не складывалось... с биоинженерией тем более. Вот к древней технике влекло сильно. Дед у них с Кирой, считай, был общий. Родной мальчик не знал, а со старым Яковым понимали друг друга с полуслова. Совсем мелким Тим забегал в дедов сарайчик, заползал под верстак и с горящими глазами кидался на поиски сокровищ. Старик, довольно крякнув, вытаскивал его оттуда с кучей барахла в загребущих ручонках и рассказывал, для чего нужно это, а для чего другое... Но прошла та пора. Да и механики нынче не требуются. После Второй Зеленой революции все технологии кроме биоинженерных и ментальных под строжайшим запретом. А с ними и любые механические приспособы. Безотходное производство, мир и согласие с природой, понимаешь...

— Дурак ты. Думаешь, не соображаю, какой шанс? Если до Центра дойду и нормально сложится, то и родителей вытащу. Семьям узловых работников довольствие предоставляется, и вообще. Но там все сложнее, чем лозу из земли тянуть да помидоры с верблюжьей колючкой скрещивать. Раз не прыгну выше головы, лучше и не пытаться.

— Сама дура! Не получится — вернешься. А не попробовать глупо.

Кира фыркнула:

— Что ж ты-то не «пробуешь»? Документы на интервальную аттестацию так и не отправил. Ждешь, чтобы до второго этапа не допустили?

— А меня и так не допустят, ты это прекрасно знаешь, — неожиданно спокойно ответил Тим. — Здесь вырос, здесь и помру. По оценкам софитронов, я неспособен к ментальному труду и малопригоден к биоаграрной отрасли. За два года вряд ли что изменится. Ну не могу я с этой слязью...

— Не понимаю, чем дедово машинное масло приятнее!

— И не поймешь, — сухо отрезал Тим и спрыгнул на землю.

— Ты что, обиделся? Тим! Ну перестань!

Не оборачиваясь, он зашагал в сторону бараков.

Быстро темнело. Люмениров вдоль жилой улицы всего два — в начале и в конце. Направление видно, а вот ямки и кочки нужно ловить ощупью. Оставив за спиной входной конус света, Тим замедлил шаг, осторожно выбирая, куда ступить.

Из темноты выцеживалось странное бормотанье. Парень остановился. Звуки не стихали. Метрах в пяти от дороги, подвернув одну ногу под себя и крепко обхватив другую, застыл Разноцветный Дэн. Не открывая глаз, он лишь иногда кивал, то ли подтверждая свои «слова», то ли соглашаясь с невидимым собеседником. Бедняга опять надрался, и где только находит...

А может, его «этим делом» кто-то жалеет, как Тим собственными пайками. А ведь ночи еще холодные, роса вот-вот выпадет, застудится. Надо бы до дома дотащить...

— Вставай, дружище!

Но худосочный Дэн словно врос в землю. Уж Тим его и так и этак — не подытай. Когда же попытался усадить горемыку поудобнее, тот разлепил веки. Гм, замутненный взгляд не вызался со ставшей вдруг твердой, отчетливой речью.

— ...Не ходи за отца на поляну... не ходи за отца на поляну... — повторял и повторял он, то всхлипывая, то явно кому-то угрожая, пока слова вновь не слились в сплошной неразборчивый бубнеж.

— Эк тебя накрыло... Ну ничего, тут недалеко, давай-ка поднимайся, — приговаривал Тим, закидывая руку выпивохи себе на шею.

Он жалел Дэна. Он помогал Дэну. Он страшно боялся увидеть в Дэне будущего себя. Оставшись после первого этапа в округе — на второй не взяли — тот пошел работать на Комбинат. И чем дальше, тем увереннее спивался. И чем дальше, тем сильнее ненавидел сизые грядки и просто теплицы. В этом он признался однажды, когда пришел к бабке, как водится, выпросить закваску на опохмел. Бабки дома не было, а маленький Тим старательно замерял высоту проклюнувшегося в горшке фасолевого ростка — первое домашнее задание. Дэн тогда скривился:

— Сперва фасоль, потом строительные лозы, а потом эти лиловые уроды, из которых родится все подряд. Попомни мое слово, парень: наступит час — вылезет такая дрянь на жирном стебле, будет расти-расти, вымахает выше дома, а когда раскроется, там окажется не рубашка, не ведро, а плотоядный монстр!..

Тим не боялся промышленных грядок, но на всходы старался не глядеть — выскальзывал на улицу, огибая дом с обратной стороны. А с того дня проникся к Дэну симпатией, почувствовав какую-то общую с ним тайну, общую нелюбовь.

Когда же Дэн остался без работы, и вовсе начал втихаря носить ему часть своих паек. Вообще-то, страшная подлость: медузы — выброс Ком-

бината, и из-за них же людей увольняют! Мол, не зевай, не подставляйся, а если проросла какая на тебе, так прости-прощай без выходного пособия.

Бабка рассказывала, перспективный проект считался. Самый первый. Комбинат только основали, еще старым способом построен был (как и бараки, которые такими и стоят). Что там пытались вывести, неизвестно, но результат вышел боком. Бабка после учебки техником первого звена работала: собственноручно выносила эти ванны с питательной жижей и выливала на пустыре. Осень, ветра. Думали, высохнет-выдует да и промерзнет под конец. Вроде высохло. Вроде промерзло. А по весне-то в первый раз медузы и зацвели... Говорит, изучали года два еще нечаянную «радость». Не много узнали. Размножаются они чем-то типа грибницы, а для чего цветут — и вовсе непонятно. Как только ту грибницу не травили — все без толку, прорастает. Спасибо, хоть за границу пустыря не летят, как колпачком прикрытые. С тех пор выбросы под строжайшим контролем.

— Садись давай, сейчас кашу согрею!

Тим не сказал, что уже поел, чтобы не обижать бабулю, и послушно сел за стол. Щелкнул энергопузырь, по кухне поплыл рыхлый аромат каши. Мошки наворачивали круги возле лампы с упитанными светляками, кто-то стрекотал за пыльным окошком... «Совсем как в детстве», — прикрыл глаза парень. Потом вздохнул:

— А где батя?

— Ох, да кто ж его знает, не вернулся еще.

— Говорят, выброс был.

— Эт кто говорит, Кира твоя? — прищурилась старушка. — Ну, ей видней. Можт, и был. Отец придет — расскажет. Как в школе?

— Нормально...

— И где ж допоздна гулял?

— Дэна домой отводил, — почти не соврал Тим. Как заходит речь о медузах, нотаций не избежать. Даже если свидание на безопасной дистанции.

— Ох, да уймись ты уже, совсем ведь он блаженный стал, что с ним возиться? Можт, так побыстрее бог приборет, отмучается...

— Ба!

— Что «ба»? А ведь какой парень был! Теперь одна тень осталась... Вот гляди и на ус мотай, что с человеком выпивка делает!

— И Комбинат, — буркнул себе под нос Тим.

— Комбинат?.. Ну, конечно! А как бы весь округ без Комбината жил? Стукнет время — и сам туда пойдешь. А огрехи везде случаются. Коли ума нет, кто ему виноват? Нормальные люди дома спят, а не по улицам шатаются.

Тим не ответил. Старушка же вдруг насупилась, заглянув под стол.

— Ну-ка, ну-ка, ногу-то выставь! Кому говорю!.. Э-э-эх... Опять как приبلудный будешь... Новые только месяца через два вызреют. Чего промолчал-то? Сам, что ли, латать собрался? Не позорь бабуку, снимай штаны, аккуратно почино: дурак не поймет, умный не скажет.

Спал Тим беспокойно. Долго ворочался, временами проваливаясь в полудрему... Вязкая темнота заползала под одеяло, свивалась в клубок под боком, словно ища самое слабое место, самую нежную кожу, чтобы проткнуть ее жирным щупальцем и вытянуть внутренности...

...В предрассветном сумраке хрупкая фигурка опустилась на корточках над домашней платяной грядкой. Воркующий мамин голос нашептывал что-то стеблям, тонкие пальцы ловко освобождали кончики побегов от излишков слизи. Иногда фигурка замирала, речь затихала, и в этом затишье стебли плавно покачивались, хотя даже при штормовом ветре стояли не шелохнувшись. Затем процедура повторялась со следующей грядкой...

Тим застыл в трех шагах, глядя через плечо мамы на странный ритуал и уже твердо зная, что рубашки вызреют теперь к концу недели, а не к осени...

Хищный проем двери исполински возвышался справа от грядки, маня и пугая своей чернотой. А фигурка склонялась над ростками все ниже и ниже... Хотелось завопить, схватить за плечо и развернуть маму, всмотреться в лицо, броситься на шею, утонуть в ее ласке, ее теплых руках, нежном голосе... И спросить, спросить, почему она не взяла его с собой!..

В такие моменты он вскакивал с постели мокрый, как мышь. И уже не мог уснуть до самого утра.

Сегодня сводный экзамен. Он ничего не решает; после официального приглашения — простая формальность. Умом Кира это понимала, но ладони потели, нехорошо тянуло в животе, а сердце точно рвалось наружу через горло.

Долгий выдох... Сняла с подоконника горшок с геранью, поставила перед собой. Вчера на конце мясистого стебелька проклюнулась крохотная розетка будущих бутонов. Кира выпрямила спину, закрыла глаза. Прокрутила в голове алгоритм из инструкции. Снова пристально посмотрела на герань и замерла в напряжении. Зрачки расширились, к щекам прилила кровь...

Минута... вторая... третья... Зеленые кулечки набухли и медленно выпустили из сердцевины багровый бархат, развернувшийся в шарик соцветия...

Девушка расслабилась, откинулась на спинку стула. Получилось! Поставив горшок на место, она направилась к двери.

— Доченька... — Голос мамы звучал глухо.

Кира обернулась — мама неловко поправляла косынку и теребила в руках объемистый узелок. — Доченька, ты увидишь Тима?

Вспомнив вчерашнюю размолвку, девушка нахмурилась:

— Не знаю, не уверена... Слушай, я... мне нельзя опаздывать.

— Хорошо-хорошо, сама отнесу!

Кира кивнула, но, помедлив, уточнила:

— Все нормально?

Мама побледнела:

— Виктор... В общем, он не вернется.

— Отец Тима?! Что случилось? А папа? Папа в порядке?! — вскрикнула Кира.

— Да-да, в порядке. — Женщина неопределенно кивнула в сторону спальни. — Кажется, я говорила, был выброс... Серьезный, шестого уровня. Менталисты держали периметр, а техники по очереди зачищали «поляну» от внешнего края. К эпицентру первой подошла группа Виктора. Они и пострадали. Окончательно извели уже огнепалом. Боялись, что перекрестная реакция начнется, но бог миловал, утихло. Людей жал-

ко... — Она порывисто прижала дочь к себе, погладила по голове и беззвучно заплакала.

Кира понимала: это слезы не только о погибших. Но и об отце, и обо всех, кто может оказаться на их месте. Непрофильный персонал не особенно берегут. Выбросы случаются нечасто, но их не избежать. Как и не предскажешь заранее истинный масштаб угрозы. Поэтому Кира с детства привыкла к мысли, что надо прилежно учиться, тогда твоя ценность будет выше. Менталисты — надежда и опора. Без них все рухнет, а значит, нужно стать менталистом.

Голова немного кружилась, но настроение было приподнятым. На волне эйфории — по скорости роста и прочности ее лоза на порядок обошла остальные — Кира напрочь забыла утренний разговор с мамой. Почти вприпрыжку летела к пустырю. После упражнений ей чудилось, что медузы — поют. Мелодично, нежно. Это, конечно, было не так, но по телу от того разбегалась приятная щекотка. Остановившись метрах в пяти от их ареала, Кира закрывала глаза, покачиваясь в такт лишь ей слышимой музыке.

— Эй, шлындра!..

Кира напряглась (голос Регины ни с чьим не спутаешь) и медленно обернулась. К ней приближались три фигуры.

Прогибаться нельзя:

— Это ты представилась или с кем-то из подруг знакомишь?

— Смелая типа? И самая умная? — Регина подошла вплотную и, нависнув над Кирой, процедила. — Если б не ты, тварь, меня бы во Второй округ отправили, а теперь на полгода перепрофиль и только потом, если повезет, сдавать. С нуля!

— Ты до норматива не добрала. Я-то что? — опешила Кира. — При чем здесь вообще я и Второй округ?

— Хватит комедию ломать, все знают, что тебя во Второй взяли! А в этом году берут только одного. И с нормативом брехня: его по среднему рассчитывают от лучшего результата!

— Слушай внимательно, говорю отдельно, — вздернула подбородок Кира. — Меня во Второй округ не брали. Если уж ты так туда хотела, стоило отправить заявку, глядишь, и выгорело бы. А раз нет — захлопнись и переучивайся!..

Ее трясло. Регина крупнее и сильнее, ее подпевалы, хоть и мелкие, дают численное преимущество. Лихорадочно соображая, как вывернуться из этого дерьма, Кира отвечала на автомате, почти не задумываясь.

— Нет, вы слышали эту брехливую сучку?! — Толчок в грудь, полшага назад, но устояла. — А кого тогда с потока переводят, а? Может, Эмму? — Минди кивнула на гоготнущую подругу.

— Это меня не волнует. Я перехожу во Внутренний!

Ошибка... Регина отшатнулась, окинула Киру недоуменным взглядом и, ядовито прищурившись, выплюнула в лицо:

— Спорим, не переходишь?..

Кира свалилась в пыль, едва успев что-то сообразить. Прожгла досада — уходить от подсечек Тим учил в первую очередь, а она...

Вскрикнула:

— Если софитроны узнают, что ты навредила потенциально сильному менталисту, — не то что во Второй не попадешь, во Внешний вышлют, без права пересмотра!

— Сначала докажи!

Регина уселась на нее сверху, заломила руки за спину и начала спутывать обрывком какой-то ветоши. До Киры дошло, что с ней хотят сделать... Если бросят на пустыре, доказать и впрямь будет сложно, кто поверит? Прижатая к земле, она обмякла, сберегая силы. Один глаз не открывался, его нестерпимо резало от попавшего под веко песка, но другим разглядела силуэт вяза...

Лежа под острым углом к границе пустыря, Кира отчетливо оценивала спасительную траекторию. И не менее отчетливо видела сгрудившуюся у края стайку медуз...

Самое отвратное — связанные ноги: ее собирались волочить по земле. Кира отчаянно извивалась, стараясь сместиться в нужном направлении. Без толку. До дерева слишком далеко... И вдруг заметила едва торчащий из почвы корень. Ее бросило в жар, зрачки расширились, потом резко сузились, и корень дернулся вверх, прямо перед занесенной для удара ногой Регины...

На землю они рухнули клубком. Морщинистый ствол ближе... совсем близко... Вложив в последний рывок остаток сил, Кира хлестанула поднявшихся на ноги противниц нижней веткой вяза. А уже теряя сознание, видела убегающие фигуры, слышала, будто издалека: «Ну ее, эту чокнутую!» — и пару зарядов трехэтажной брани.

Несколько дней после похорон отца бабушка держалась очень тихо. Вся в черном, и без того невысокая, она словно стала еще ниже. Когда Тим приходил, кормила его, а все остальное время молча сидела в уголке, сложив морщинистые руки на коленях и глядя в одну точку. Иногда плакала. И уж совсем изредка обнимала внука, всхлипывая: «Совсем ты сиротинкой остался...»

Тим тоже ходил как оглушенный. Жил точно по инерции. Школа — Разноцветный Дэн — школа — дом... Киры на похоронах не было. Подруга, называется... А мать ее помочь забегала. Сказала, что Кира болеет. Раз по пути домой решил проведать — не открыл никто. Черт ее знает. Уже неделю не видно. Нигде.

На пятый день бабушка куда-то пропала. Вернувшись из школы, Тим съел холодные вертыши, лег на кровать и уставился в потолок. В последнее время он особенно часто думал о матери. Почему она ушла? Почему без него? А главное, куда?.. Это было легче, чем тосковать по отцу...

От мамы Тиму достались «прозрачные» (так бабушка говорила) глаза, и еще остались о ней тревожные сны. Лица ее он не помнил, только голос и некое смутное, спокойно-теплое, слишком рано потерянное чувство... Менталистка, не чета отцу, да, видно, сердцу не прикажешь. Однако едва сынишке исполнилось полтора года, она исчезла. Шептались, что ушла с караваном, но это вряд ли: без ордера туда и мышь не проскочит. А может, в чистые, настоящие леса подалась?.. Неизвестно. Тиму почему-то казалось, что перед уходом она была какая-то... чужая... или больная. Но возможно, только казалось.

Хлопнула дверь. Тим сбросил оцепенение, встал и побрел на кухню. Поджав губы, старушка гремела мисками.

— Мне сегодня тест по биоквалификации засчитали, — сообщил Тим.

— Угу, — кивнула, не глядя, бабка.

Тим стало досадно, обычно она живо интересовалась его успехами. Сейчас, конечно, все изменилось...

— Куда ходила? — Он прислонился к дверному откосу, скрестив руки на груди, — словно поменялись ролями.

— Никуда! — отрезала старушка. Замерла на мгновение и неловко опустила на стул. — Не берут они меня! — выдавила со злостью. — Старая слишком, не годна.

Тим сел рядом:

— В смысле — не берут?

— На Комбинат обратно не берут... — Голос дрогнул, глаза заблестели.

— Спятила?! — обомлел Тим. — Зачем тебе Комбинат? Ты уже на бессрочном довольствии сколько? Лет пятнадцать?

— Не смей с родной бабкой так разговаривать! Дожила! «Спятила» — ишь! Чужие ни во что не ставят, и внук туда же!

— Прости, ба, не кипятись. Нет, серьезно, ты зачем на работу просилась?

— Просилась — значит, надо!

— Но зачем? Продукты и промсемена тебе выдают, у меня пока учебническая пайка, еще пару лет продержимся. А там... видно будет. — Что там будет видно, Тим не придумал. На чудо и перевод (что, в общем-то, одно и то же) он не надеялся. А думать о Комбинате не хотел в принципе. Вот пройдет два года, тогда и подумает.

Бабка тяжело вздохнула:

— Барак этот мне дали, когда сюда приквартировали, после учебки, как служебный. Я в ту пору уж на сносях была, а то б в общежитие приехали и все...

Тим открыл было рот, хотел спросить про деда, но бабушка, как обычно, замахала руками: мол, отстань.

— ...Ну вот, а вскорости Виктор родился. Потом я старшим техником стала, потом руководителем группы. А там, глядь, и отец твой эмансипировался. Еще через десяток лет меня на покой отправили. Да Виктор уже тоже комбинатским числился, нас трогать не стали, так и жили. Мать твоя появилась, ты родился... Но это, внучек, другая история. А нынче выходит, что законного основания оставаться тут у нас с тобой и нет. Меня во Внешний округ отправят, в богадельню, а тебя в интернат при школе на оставшийся срок.

Такого поворота Тим не ожидал. Ни об интернате, ни о том, чтобы кого-то из барачков выселяли, он прежде не слышал. Но зачем бабке сочинять? Пожал плечами:

— Ничего, я через два года эмансипируюсь, устроюсь на Комбинат и заберу тебя обратно.

— Не забереешь. Я на довольствии, ты без семьи, так и будешь маяться в общаге. Да не думай, не за себя переживаю. Мне два понедельника осталось — тут или там, велика ль разница? Тебя вот бросать боязно, а то... — Бабка осеклась, однако Тим догадался: она чуть не сказала «станешь как Дэн». И смутилась, сожалея о том, что едва не выпалила в сердцах. Но ведь не выпалила же.

Тим напрягся, до белизны костяшек стиснул кулаки. Глядя на перекатывающиеся желваки внука, старушка испугалась, что он вот-вот бросится к двери и сгинет в ночи совсем как его мать... И страшно корила себя за длинный язык.

Но Тим не бросился и не сгинул. Он поднял на нее странно посветлевшие глаза и хрипло выдавил:

— Завтра пойду в правление.

— Милый, милый... — залепетала старушка. — Они мне наотрез от-казали, точно не возьмут...

— Я эмансипируюсь сейчас и устройсь сам!

Тим принял решение, потому что иного выхода нет, и дело тут, ко-нечно, не в доме.

Бабушка охнула, но ничего не сказала.

Тим сжимал в руках документы: неполный аттестат, справку из мед-пункта с результатами анализов и штампом о тотальном осмотре на пред-мет инородных включений. И сейчас впереди, шагах в десяти, кружили в воздухе эти «включения»...

Ругая себя за глупость (не стоило вовсе ложиться, дотерпел бы до утра), он неуверенно переминался с ноги на ногу. Всю ночь промучился бессонницей, вернее, муторным ожиданием сна... Рисуя в голове возмож-ные ужасы застенок Комбината, отключился только перед рассветом. Снова видел мать. В этот раз она обернулась, но на месте лица колыха-лась зыбкая белесая масса, по абрису которой то загорались, то гасли раз-ноцветные искры. А из каштановых волос змеились тонкие стебельки с пурпурными зевами на концах...

Очнулся Тим лишь к одиннадцати и в медпункт за результатами, разумеется, опоздал. Пришлось ждать конца перерыва. Однако на Ком-бинат к назначенному часу он обязан успеть: и так еле удалось договорить-ся об испытательном сроке.

Идти в обход — далеко и долго... Парень оттянул рукава толстовки вниз, накинул капюшон и зашагал напрямки. Короткой дорогой, через пустырь. Конечно, продирается сквозь «цветник» — плохая идея, а что делать?

Разглядывать их со стороны — это одно: парят себе, разноцветьем глаз переливаются, красиво... А вблизи — только успевай уворачивать-ся! К одежде почему-то не присасываются, зато к голой коже с превели-ким удовольствием. И не сильно вроде жалят, но если прилипли, держись. Отскрести потом большого труда стоит, и зудит обожженное место — жуть! Кто в детстве влипал, реву было! Главное, чтобы прорасти не успе-ли, иначе вырезать с мясом: глубоко вгрызаются, сволочи.

Дэн же ведь так и попался: отключился по пьяни под деревцем на пустыре, а они наутро зацвели. Ну и проснулся к обеду весь бляшками глазастыми разукрашенный. Потому и «Разноцветный». Проросли, пока дрых. Срезать не стали, не выжил бы: столько гадин облюбовали его, сплошным слоем. А с работы поперли. Одной твари на коже — уже с из-бытком: вроде токсины они выпускают в кровь, но не все время, а как бог на душу положит. Значит, и глюки носитель может словить в любой мо-мент и натворить бед. А кому это надо? Потому все и увечатся, если при-прет, — работа дороже. Кроме Дэна, еще дед древний на окраине жил ме-ченый. Тот пока понял, что не комары покусали, а похуже дела, дня три прошло. Резать категорически отказался. Благо бессрочного довольствия за такое не лишают. Да теперь уж помер, наверно, давно было.

Правда, потом Разноцветного медузы облетали. Точнее, не прилипа-ли к нему, а точно хороводы водили. С тех пор от разговоров он уклонял-ся. Тим иной раз просто приходил и сидел рядом. Порой Дэн не замечал чужого присутствия, а порой благодарно улыбался, хотя на вопросы от-вечал односложно, а больше молчал.

Быстрым шагом Тим преодолел уже половину пути, ловко уворачи-

ваясь от полупрозрачных стаек. Но вдруг слева неожиданно вынырнула голубоглазка, взмыла метра на три и, рванувшись в штопор, нацелилась точно в Тима. Парень побежал, стараясь не упускать ее из виду. Однако медузка не отставала, болталась как привязанная, то чуть обгоняя его, то кружа совсем близко. И внезапно... пропала.

Тим обернулся, надеясь вновь поймать ее в поле зрения, и в этот момент зацепился носком башмака то ли за камень, то ли за корень. Едва успел сгруппироваться в полете, прикрывая лицо, но через мгновение почувствовал жжение на тыльной стороне ладони. Вскрикнув, вскочил и помчался дальше. Насчет руки иллюзий не питал, но ладно, лишь бы добежать до границы...

За краем ареала Тим с минуту переводил дух, а затем, стиснув зубы, остервенело вцепился в прилипшую медузу. Кожу вокруг бляшки разодрал в кровь, но тварь не сдавалась. Он заметался в поисках хоть какого-то орудия... Сухая ветка — то, что надо!.. Еще через пару минут белесозерный ошметок валялся на земле.

На проходной спросили, что с рукой.

— Упал, — пожал плечами Тим. Действительно ведь упал.

Главное — успел.

Домой он возвращался полумертвый. Взяли подсобником. Работа оказалась не такой уж мерзкой, но тяжелой. На люменирах Комбинат не экономил: гибридные органические витрины переливались всеми цветами радуги. Первое время болели глаза, но потом привык. В обязанности Тима входила переноска контейнеров с образцами с одного уровня на другой, ворошение перегнивающих куч с удобрениями (чтобы лучше поступал кислород), фиксация показаний в лабораториях — правда, только раз в неделю. Такой смены у него еще не было. Имелся и риск угодить на ликвидацию выброса... Но, если верить ребятам с третьего этажа, до следующего — месяца три почти, и, мол, по степени угрозы они бывают разными, а случаются как по часам — каждые девяносто дней.

Ссадина на руке заживала медленно, времени, чтобы сменить повязку, тем более промыть регенератом, на работе не хватало. Тим опасался — вдруг рука отнимется. Но пока вроде терпимо: даже не болело, лишь чуть зудело, мокло и не зарастало толком.

Погода скурвилась: мелкий дождик, совсем не по-весеннему секущий по лицу, постоянно менял угол атаки, ветер валил с ног. Тим шел, наклонясь вперед, одной рукой придерживая капюшон, а другую — пострадавшую от медузы — пряча от ненастья под толстовку. В отдалении почудилась знакомая невысокая фигурка. Он ускорил шаг, окликнул Киру, но не догнал. А она не обернулась — не слышала или все еще сердилась? Ну, выздоровела — и то хорошо...

Сразу с проходной он отправился переодеться в подсобку. Смена в лаборатории. Там и обсохнет, и отдохнет на непыльном посту. Задумавшись, не заметил вынырнувшего из-за угла начальника техников и чуть не сбил его с ног. Обычно степенный, аккуратно причесанный на пробор, сегодня мужчина был непривычно взъерошен. Уставившись на парня, коротко бросил:

— Иди за мной!

Тим хотел возразить, что ему, вообще-то, к лаборантам, но, напорвшись на жесткий взгляд, уныло поплелся за начтехом.

Тот на ходу пояснил:

— Все смены на ликвидации, на текущих задачах по одному дежурному. Если оперативно разберемся — дальше на местах по расписанию.

— А я слышал, выбросы раз в девяносто дней бывают... — промямлил Тим.

— Не знаю, что ты слышал, сейчас делом заняться надо!

— Получается, наврали, — вздохнул Тим.

— Если бы... — скрипнул зубами начтех.

На «поляне» (ничем внешне не примечательном квадрате со стороной метров тридцать) суетились с полсотни человек. Чем занимались ликвидаторы, Тим сначала даже не понял. Они с размаху всаживали в рыхлую почву длинные древки, увенчанные чем-то типа широких штык-ножей, проворачивали там и вытаскивали обратно, собирая невидимую добычу в мешки. Но вокруг была видна лишь трава. Самая высокая — по центру, а к границе поля все ниже и ниже. Край «поляны» обрамляла трехметровая полоса грунта, а дальше — шеренга менталистов в наглухо застегнутых светлых мундирах.

Начтех добрался до середины грунтовой полосы. Крикнул:

— Марк, закругляйся, я смену привел!

Долговязый, болезненно бледный мужчина с дальнего угла вяло кивнул и пошел к ним. Тим же увидел, что у самого края «квадрата», стремясь за его пределы, то ныряет в землю, то выныривает обратно тонкий пурпурный вьюнок. Уходя вглубь, цветки его сворачивались острым клином, а появляясь вновь, распахивались, напоминая крошечные орхидеи. Тиму они показались смутно знакомыми, хотя на домашних клумбах ничего похожего вроде не росло. Преодолев по голому грунту с полметра, «орхидеи» замирали, увядали и чернели. Вероятно, из-за действий ликвидаторов.

Взяв у Марка верхний комбинезон и «штык-копье», облачившись, Тим занял свое рабочее место. Разглядеть в траве вьюнок было сложно, поймать еще сложнее — тот будто уворачивался от ударов. Когда все же удалось попасть лезвием по тонкому стебельку, зацепить и выдернуть корневище, Тиму услышал пронзительный писк. Правда, длилось это долю секунды. А стягивая черный клубок со штыка, чтобы упаковать в мешок, заметил на штанине пурпурное шевеление.

Схватив вьюнок за самый кончик, Тим принялся наматывать его на руку, намереваясь выдрать и отправить к остальной добыче. Но тут — словно удар током! Непроницаемый, густой зеленоватый смог перед глазами, заложило уши, а под ложечкой похолодело, как при резком падении. Через мгновение глаза привыкли...

...Когда смог рассеялся и парень пришел в себя, клубок вился у его ног, не чернея и не стремясь к краю. И Тим... узнал эти цветы — змеящиеся былинки с пурпурными зевами в каштановых волосах...

Он испуганно оглянулся. Да нет, кажется, приступа никто не заметил. Раздраженно ударил штыком по доверчивым стебелькам. Старую садину нестерпимо жгло.

— И сколько ты был в отключке?

— Трудно сказать, но посмотрелся достаточно, врагу не пожелаю.

— Тебе бы в медпункт, может, подхватил что...

Тим с Кирой сидели на той же ветке, что и в последнюю встречу.

Странно и неловко, точно прошла не дюжина дней, а несколько лет. После работы Тим вызвал подругу на разговор. Иначе не простил бы себе.

— Я здоров. — Взъерошил волосы. — Просто некому больше рассказать... Это, понимаешь, будто тонешь, но... Но не тонешь. Нет, с ходу не объяснить!.. А вдруг... Вдруг это не морок, вдруг так оно и устроено?.. И что тогда? Все равно поедешь? Чтобы стать живым механизмом, удобрением?! Даже не знаю, как назвать...

Тим испытующе посмотрел на подругу. Та молчала. Он вздохнул:

— Ладно, чем болела-то?

Кира повела плечом:

— Трудно сказать. Врачи не определили. Мама говорит, Дэн меня притащил в день сводного экзамена... Экзамен помню, Дэна — нет. Он тоже ничего толком не объяснил, только что нашел меня у пустыря. Ну и провалялась я дома без сознания четыре дня. Хотели на караван вне очереди заявку писать, не успели, очнулась.

— Дела-а-а...

Разговор явно не клеился, но Тим не сдавался.

— Подумай: как можно увидеть во сне то, чего не видел в жизни? И тем более, как мне могло померещиться все в таких деталях на «поляне»? — Нахмурился: — Ты же не считаешь, что я фантазирую?

Кира не ответила. Спросила сама:

— Вы в респираторах были?

— Без... Но какое это имеет значение? Остальные же в порядке.

Девушка водила руками по тонкому побегу, проклюнувшемуся из прошлогоднего спила. Тим рассердился: и на нее за недоверие, и на собственную беспомощность. Зуд в ладони усилился. Увидев, что на побеге раскрылись новые почки, парень совсем разозлился:

— Да оставь ты в покое эту хворостину!

Кира вздрогнула: в глазах застыло недоумение, а в руке — опавшие с побега желтые сухие листочки.

— Это ты сделал?

— С ума сошла? Я даже строительную лозу на полметра выгнать не могу, не то что на чистые деревья влиять!

— Больше некому... Я заставила их распусться и расти, убивать не собиралась. — Кира силилась понять, как отнестись к такому открытию.

Ладонь Тима под повязкой зажгло сильнее, чем когда-либо. Он вскрикнул и сорвал повязку, пытаясь охладить кожу.

Кира напряглась:

— Что это?!

Парень стиснул зубы:

— Долгая история...

— Ничего, похоже, мне уже спешить некуда, — пожала плечами девушка и придвинулась ближе: — Показывай...

Когда вернулись к баракам, уже стемнело. Кира не унималась:

— Я бы на твоём месте сходила вырезала! Во-первых, небезопасно, в любой момент накрыть может, а во-вторых, важно понять, ты в самом деле менталист или это побочка какая...

Тим брел понурый и растерянный. Он же не сомневался, что сковырнул всю медузу, будь та трижды проклята!.. И правда, дурак, надо бы сразу в медпункт — почистили б. Но вместе с тем... Вместе с тем почему-то не оставляло странное, почти забытое чувство комфорта и защищенности...

— А вдруг я узнаю, что случилось с мамой?.. — Он тряхнул головой: — Получается, не было бы счастья...

— Ага, «помогло!» — фыркнула Кира. — Скажешь тоже. Впрочем... Впрочем, может, ты и прав. Если только эти видения не от токсинов, конечно. Но хотя бы кошмары прекратятся. — Девушка ободряюще похлопала друга по плечу. — Одно непонятно: при чем здесь «поляна»?

— погоди, я же не рассказывал тебе про кошмары! — сузил глаза Тим.

— Что значит, не рассказывал? А сегодня с чего начал?

Он мотнул головой:

— Сегодня я говорил про один сон!

— Успокойся, Тим, я это и имела в виду. А были еще?..

Едва коснувшись щекой подушки, Тим отключился.

...Вокруг снова сгущался туман, только теперь его наполняли не сумбурно, а медленно сменяющиеся картины. Образы перетекали друг в друга плавно, звучала тихая, нежная музыка, напоминавшая звучание тростниковой флейты... Как и на «поляне», слышался голос. Знакомый, но почти истаявший в воспоминаниях голос... И впервые Тим сумел различить слова.

— Смотри, малыш... Смотри, не попадись...

Из смога вновь выныривали то промышленные плантации, лиловыми пиками устремленные в небо, то огромные переплетения прозрачных пузырей, в которых колыхались человеческие тела. Потом картинка приближалась настолько, что удавалось разглядеть застывшие глаза с расширенными зрачками и медленно открывающиеся и закрывающиеся рты, словно у выброшенных на сушу рыб. От основания черепа и суставов к поверхности пузыря тянулись разной толщины белесые лианы...

План удалялся, и — новый: гигантская сеть, раскинутая во все стороны, истончалась по периферии, расходясь в лучи с нанизанными на них кругами. В сердцевине же сети клубилась бесформенная ярко-изумрудная громада; отдельные растения в ней были неразличимы, но все *это* шевелилось и ширилось. Слово перебродившее тесто, зеленая масса непрерывно вспучивалась и вырывалась за пределы очерченного ареала, сминая и поглощая соседние пузыри...

Затем — опять резкая смена кадра. Теперь — «от первого лица». Тим идет к «поляне». Он смотрит на свои руки и видит женские, с длинными тонкими пальцами. Чувствует знакомое жжение, но только в области щиколотки. Слышит *мамин голос*...

— ...Держись... до третьей лаборатории... взять фиолетовый флакон, затем на минус первый... со склада огнепал и молниестрел...

Эти слова повторяются снова и снова. Но чем ближе к «поляне», тем чаще голос срывается то на фальцет, то на хрип... Цель Тима уже не испытательные посадки, а неприметная дверь за ними. Он ступает на грунтовую полосу. Кружится голова, ноги ватные, и — опять звучит флейта... Громче, громче, громче...

А из-за шторы уже бьет свет неумолимо погожего утра.

Тим по пояс свесился из окна и раскачивался вперед-назад, навалившись животом на подоконник. Кира задумчиво ковырнула ногтем краску наличника, вздохнула:

— Приходи, гляжу, с каждым разом все красочнее...

Парень поморщился:

— Зря иронизируешь. Думаю, не в яде медуз дело. При всей абсурдности видений есть в них что-то... Ну да, странное, но, черт возьми, убедительное!

— Значит, не пойдешь? Уговаривать без толку?

— Слушай, да разобраться надо сначала, вырезать всегда успею.

— Ладно, как хочешь, — пожалала плечами Кира и поправила вещмешок.

Тим, потеряв равновесие, чуть не вывалился из окна, но вдруг завис в неестественной позе под острым углом к земле, нелепо растопырив руки. Потом медленно вернулся в исходное положение.

Кира застыла с широко открытыми глазами, зрачки ее медленно сузились.

Тим покосился на подругу с опаской. Попытался пошутить:

— Ты же не используешь свою власть надо мной мне во вред?

— Поглядим, — ответила в тон Кира. Посерьезнела: — Что же эта тварь с тобой сделала?

— Похоже, теперь я на двадцать процентов овощ! — продолжал ерничать Тим.

— Ну, тогда изменилось немного. Так как ты надумал разбираться? Пожалуй, не помешает страховка.

Углы в хозпомещениях постоянно завалены хламом — отличное укрытие. Тим наметил себе ближнюю к «поляне» подсобку. На ночь оставались три обходчика. С одним из них парень чуть не столкнулся в конце смены в дверях раздевалки. Точнее, столкнулся, но сделал вид, что направляется к проходной, и, переждав пару минут, короткими перебежками достиг нужной точки. Когда люмениры вокруг «поляны» свернулись на ночь, Тим осторожно покинул свое убежище.

У края грунтовой полосы застыл, переводя дух и еще раз взвешивая все «за» и «против». От легкого прикосновения к плечу вздрогнул и чуть не заорал в голос.

— Фу, блин... так и обмочиться можно, — пробормотал сердито.

— А мне что, с оркестром явиться стоило? — шепотом отозвалась Кира.

— Не ожидал, что правда придеешь... Там же охрана.

— Подумаешь! Я отцу обед принесла, повсхлипывала о предстоящем отъезде и что, мол, не видела ни разу, что на работе у него творится. Он и растаял, устроил экскурсию, я и прикинула, как проскочить незаметно. А за проходной охранника маленько разыграла — шиповник теперь там повыше. Пока он бегал о внешнем выбросе докладывать, я обратно перелезла — и привет. Что конкретно делать-то собираешься?

Тим дернул плечом.

— Еще не знаю... мне кажется, интуиция должна подсказать. В процессе.

— Провидец... Ладно, я тут буду. Если что, постараюсь придержать кусок периметра. Ну, а ты уж тогда сопли не жуй и сматывайся.

Тим кивнул. Сердце екнуло, упав в живот, и точно замерло. Медленно-медленно, пригибаясь, он добрался до края поросли. Коснулся рукой — ничего, но в центре «поляны» почудилось какое-то шевеление. Выпрямился и шагнул к высокой траве. По мере приближения нарастал звон в ушах, перетекающий в еле слышную мелодию...

Достигнув центра (там стебли уже по пояс), Тим растерялся: и что дальше?.. Ох, глупая, похоже, затея, сейчас бы дома, поди, пятый сон глядел... Ну ничего, трава мягкая, можно вздремнуть и здесь. Лег на спину, раскинув руки, — в поврежденной ладони жар, но не обжигающий, а даже чуть-чуть приятный, ласковый...

...Смога в этот раз не было. Он, Тим, снова на краю «поляны», снова слышит срывающийся голос:

— ...Держись... до третьей лаборатории... взять фиолетовый флакон, затем на минус первый... со склада огнепал и молниестрел...

Сильно кружится голова, подкатывает тошнота. И вот уже перед глазами сплошной травяной ковер, в который Тим, упав на четвереньки, упирается... узкими женскими ладонями... Он движется против воли, трава ластится к телу, а голос надсадно хрипит:

— Отпустите, суки, отпустите, пожалуйте!..

Но он ползет и ползет. К центру. Хотя точно знает, что нужно в третьей лаборатории: забрать фиолетовый флакон, потом на минус первый, и — взять со склада огнепал с молниестрелом...

В центре он ложится «звездой» лицом в траву, чувствуя во всем теле неприятную щекотку, а в ноге острое жжение... Но вот картинка отплывает; он видит тело матери сверху и слева: трава пронизывает его насквозь, завивается и снова впивается в плоть, точно накладывая швы... тысячи мельчайших швов... Ее руки и ноги конвульсивно вздрагивают, однако это совсем не мешает траве. И постепенно уродливая живая вышивка погружается вглубь, в почву, и зеленое поле смыкается над ней.

Но Тим видит все и там, в глубине (изображение словно подсвечено неясными лучами): от изувеченных конечностей тянутся толстые корни и тонкие волокнистые нити, по которым бегут искры, будто передавая кому-то (или чему-то) загадочные сигналы. И вновь звучит голос:

— *Смотри моими глазами...*

Тим очнулся оттого, что его волокно по траве, а острые стебли больно секали кожу...

...Кира сидела в стороне от периметра, привалившись к стене и тяжело дыша. На то, чтобы вытащить друга, ушли все силы. Тим лежал рядом и не мигая глядел в высокий сводчатый потолок. Еле слышно прошептал:

— Она жива. Просто... иначе...

Кира не ответила.

Парень скрипнул зубами:

— Все это долбаная правда!.. Медузы — коллективный проводник, помогают подключиться к единой биосети, которая с менталистами в обоих направлениях работает, да только куда человеку против этакой громадины. Потому контакт и вышел поначалу односторонним, и... Захват. Сейчас же, кажется, мать... ну, то, что вместо нее, может выбросы генерировать.

— А ты уверен, что это она? Откуда знаешь?

— Знаю, и все!

Кира хмыкнула:

— Веский аргумент.

Тим приподнялся на локте:

— Понимаешь, она видит сеть целиком и чувствует ее уязвимые места. Во всяком случае, в ту ночь собиралась выжечь медуз, чтобы у нас в

округе не захватило никого. Но не добралась до компонентов. А теперь и я *чувствую*... Понимаешь? Чувствую, как растет и крепнет сердцевина узла, как встраиваются в нее новые и новые сознания...

— И что ты собираешься делать?

Тим сел, пристально посмотрел подруге в глаза:

— Для начала выжечь пустырь. Поможешь?

— Что угодно, если утром пойдешь сдаваться в медпункт!

...Небо на востоке помалу светлело. Но это было почти незаметно — пустырь сплошным слоем усеивали искрящиеся тельца. Белесые тушки осыпались, как только выгорела грибница, и теперь дотлевали раскинутым на многие метры негаснущим покрывалом.

Тим еще сжимал в пальцах коробок от заряда огнепала, напряженно вглядываясь в мерцающее сияние. Пустырь казался незнакомым и оттого даже более опасным, чем раньше.

В нескольких шагах крепко опутанный причудливо изогнувшимися ветками жимолости со стоном корчился Разноцветный Дэн. На его лице и теле то и дело вспыхивали светящиеся узоры, заметные даже сквозь рубашку. Дэн нарисовался почти сразу, едва ребята добрались до медузьего пристанища. Попытался оглушить Киру: подкрался сзади, когда та расставляла сеть молниестрела по периметру. Но то ли обессилел совсем, то ли промахнулся в темноте — не вышло. Пока подоспел Тим, они с Кирой накувыркались изрядно. Ну, до куста Дэна кое-как дотащили, а дальше — дело техники.

Завопила комбинатская сирена.

— Выброс. Сильный. Мать рвется, — глухо проговорил Тим.

Кира почесала локоть.

— Куда рвется?

— Комбинат развалить хочет... А там, может, и сердцевину остановить удастся. Мы же теперь заодно.

Девушка, положив ему руки на плечи, пристально посмотрела в глаза. Спокойно и твердо произнесла:

— Ты обещал вырезать остатки медузы, если очистим пустырь. Мы это сделали. Довольно подвигов. Утром идем в медпункт. Точка.

— Да погоди! — отпрянул Тим. — Я же тебе все рассказал. В подробностях.

— Да даже если это не плод твоих галлюцинаций...

— Что значит — если? Медузы сдохли! Не самоубийство же они через меня решили провернуть?!

— Даже если это не плод твоих галлюцинаций, — продолжила ровным тоном Кира, — мы не знаем, как эта зараза действует на тебя теперь, когда грибница уничтожена.

И точно в подтверждение ее слов повязка на руке Тима едва заметно подсветилась.

Он помрачнел:

— Так что, просто сделать вид, что ничего не произошло? не происходит?

Кира провела шершавой ладошкой по щеке друга.

— Конечно, нет. Но тебе обязательно надо отдохнуть...

Тим только сейчас заметил, что его ноги почти до коленей обвили тонкие гибкие побеги. Рванулся — бесполезно, стебли тянулись выше и выше. А Кира спокойно отступила на два шага, потирая локоть.

— Осатанела?! Ты что творишь? — Все негодование и злость на подругу Тим старался направить на проклятую поросль, но та только крепла.

— Тебе надо отдохнуть. И не мешать мне... И, пожалуйста, прекрати сопротивляться, ты же знаешь, что я сильнее! — неожиданно рыкнула она, остервенело расчесывая локоть.

Зайдя со спины, Кира повернула голову Тима влево, туда, где на все лады продолжала завывать сигналка. На фоне светлеющего неба росла странная грибообразная махина, уже на полкорпуса возвышавшаяся над Комбинатом.

— Она не остановится, а ты не сможешь причинить ей вреда, потому что всю жизнь надеялся... всю жизнь ждал ее возвращения. — Кира чуть сдавила его виски: — *Смотри моими глазами...*

...Несколько мгновений спустя невысокая фигурка, направляясь в сторону Комбината, скрылась в предрассветных сумерках. В ореоле от гаснущих ночных люмениров Тиму померещился шевелящийся голубоватый венчик вокруг ее курчавой головы.

Крепко спеленутый по плечи, он еще долго видел сквозь окружающий пейзаж, как две зеленые волны живого шторма накатывают друг на друга. Словно жуткое ведьмовское варево, вздымается и опадает зеленая масса...

И ничего иного вокруг.

От края до края.

